

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ *РЕЧИ* И *ГЛАГОЛАТИ* В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ)

Древнерусские вербальные глаголы *речи* и *глаголати* традиционно рассматриваются как синонимы, при этом отмечается не только семантическое, но и функциональное сходство как личных, так и причастных форм. «Появление большинства причастий этих глаголов можно объяснить скорее определенными устойчивыми традициями употребления их как средств ввода прямой речи» [2, с. 6]. Вместе с тем, наблюдение над употреблением причастных форм *речи* и *глаголати* в тексте «Повести Временных лет» [1] вскрывает существенные различия их функций в летописном нарративе.

Уже в первом приближении очевидно преимущественное употребление *речи* в личных формах (лишь 75 причастных форм из > 500 словоупотреблений), в то время как более половины словоупотреблений *глаголати* составляют причастия (как правило, действительные причастия настоящего времени: *глагола* / *глаголаше*).

Употребление в причастной форме, которая играет роль добавочного предикативного центра, переводит ситуацию, обозначенную вербальным глаголом, в разряд фоновых для основного действия, выраженного личной формой. При этом семантическая соотнесенность личной и причастной формы варьируется и зависит от значения основного глагола:

1) при вербальных глаголах причастие от *глаголати* вводит прямую речь, конкретизирующую основной глагол:

и нача чудеса велика творити ... ꙗкоже быша прѣрци прорекли ѿ нѣмъ глѣще то медуги наша ицѣли и болѣзни подѣа [1, с. 103, л. 35];

2) при глаголах движения причастие от *глаголати* маркирует прямую речь, содержание которой раскрывает цель или причину основного действия:

Придоша Болъгары в[ѣ]ры Бохъмичѣ глѣще ꙗко ты кна зь еси мудръ и смыслень не вѣсь закона но вѣруи в закон нашъ [1, с.84, л.27];

3) определенную специфику имеет употребление причастия от *глаголати* при каузативных глаголах *сълати*, *послати*, *прислати*:

се слышавъ цѣрь посла (аор., 3л. ед.ч) к Игорю лучиѣ болѣре молѣ и глѣа (прич. действ. наст.вр. м.р. ед.ч. им.п.) не ходи но возми дань юже ималь ѿлежь [1, с.45, л.10об].

Грамматически причастная форма соотносит прямую речь с субъектом основного действия, в чем видится определенное противоречие с отраженной в контексте внеязыковой ситуацией: коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата здесь происходит опосредованно, фактически разграничивая субъекта речевой интенции и речевого действия (царь послал бояр сказать / передать слова), при этом исключается и фактор

одновременности действий, выраженных личной и причастной формами. Вместе с тем, рассматриваемая синтаксическая конструкция закрепляется в древнерусском языке в качестве речевой формулы (трафарета) и получает широкое распространение в языке летописи, чему, очевидно, способствовала прагматическая нерелевантность разграничения речевой интенции и речевого действия (что позволяло сфокусировать внимание на факте коммуникации как таковом), а также синтаксический параллелизм с рассмотренными выше конструкциями типа *придоша ... глѡще*.

В составе данной формулы отмечается и глагол *речи*, как правило, в форме действительного причастия настоящего времени: *и посла [Ольга] къ Деревла номъ рѣкущи сице се оуже иду к вамъ* [1, с.57, л.15об]. Вместе с тем, стоит отметить спорадический характер употребления причастий глагола *речи* в составе рассматриваемой формулы (менее 10 словоупотреблений), как и в других характерных для *глаголати* конструкциях с глаголами движения и глаголами говорения, где причастные формы *речи* отмечаются крайне редко.

В последнем случае, правда, сложно однозначно разграничить собственно речевые глаголы и глаголы речевой оценки (типа *возроптати*), что здесь имеет принципиальное значение, поскольку характерным условием для употребления причастия от *речи* является ситуация, обозначенная предикатом со значением

- 1) речевой оценки: *и родъ възсхалитъ дѣла твоѡ а реку[ще] же съ Двѡдомъ придѣте възрадуемъсѡ Глѡеи* [1, с. 119, л. 41об];
- 2) ментального действия: *первыи ѡ ангѡль старѡишина чину ангѡлку помысли въ себе рекоу снаду на землю и преиму землю* [1, с. 87, л. 28об];
- 3) эмоционального состояния / чувства: *любѡше ѡльга сиѡа свѡего Стѡслава рѣкущи всѡ Ежѡь ѡ а да будетъ* [1, с. 64, л. 19].

При этом в употреблении форм настоящего и прошедшего времени обнаруживается следующая тенденция: причастие настоящего времени (*река / рекущи*) указывает на одновременность основного и второстепенного действий, в то время как форма прошедшего времени (*рекъ*) предполагает последовательность основного и второстепенного действий и по значению приближается к личным формам аориста, о чем свидетельствуют и варианты написания в Радзивилловском и Московском Академическом списках. Ср.: *ѡвѣщавше ж бола ре рекше* (в упомянутых списках – *рекоша*, 3 л. мн.ч. аор.) *аще бы лихъ законъ Гречьскии то не бы баба твоѡ а приѡ ала ѡльга* [1, с. 108, л. 37об].

Таким образом, анализ употребления причастных форм вербальных глаголов *речи* и *глаголати* в «Повести Временных лет» выявляет существенные различия в их функционировании. Причастия от *глаголати* маркируют коммуникативные ситуации внешнего характера, связанные с передачей информации. В то же время причастные формы глагола *речи* представляют речь как результат экспликации, «оязыковления» внутренних состояний: размышления, эмоций или оценки.

1. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 4-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т.1. – 496 с.
2. Сахарова, А. В. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикаций на причастные и финитные в комиссионном списке Новгородской первой летописи [Текст] : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / А. В. Сахарова ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. - Москва, 2007. – 29 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ